

— И безъ того тяжело...

— А къ тяжести, если хотите тайговымъ охотникомъ сдѣлаться, привыкать надо.

— Пожалуй, вы и правы. Ивань!— крикнулъ говорившій:— давай ягдташъ и флагу...

Онъ лѣниво перекинулъ черезъ плечо ремень ягдташа и, кивнувъ головой толстяку, большими шагами направился въ сторону отъ разрѣза, на ходу скручивая толстую папиросу.

Скоро пріисковый гуль затихъ; охотникъ свернулъ въ чащу еще не тронутаго вѣкового лѣса и, взглянувъ на часы, кстати посмотрѣлъ на прицѣпленный къ часовой цѣпочкѣ маленькій компасъ и замѣтилъ направленіе тропинки, по которой шелъ. Тропинка извивалась между громаднхъ хвойныхъ великановъ, неправильными рядами толпившихся кругомъ и глушившихъ молодыя деревца и побѣги, которыя густо тянулись вверхъ своими тонкими вершинками, тщетно стараясь пробиться къ теплымъ солнечнымъ лучамъ, золотившимъ вершины великановъ. И здѣсь, какъ и у людей, сильные давили слабыхъ: «погодите!— какъ бы говорили великаны своему мелкому потомству, — дайте время, мы свалимся и дадимъ и вамъ простору и свѣту». Въ лѣсу было тихо, какъ въ пустомъ громадномъ храмѣ. Изрѣдка, гдѣ нибудь въ чащѣ хрустнетъ вѣтка или зашумитъ вершиной громадное дерево, отъ случайнаго порыва вѣтра, дунувшаго изъ согрѣтаго солнцемъ ущелья. Еще рѣже прошелестятъ крылышками спугнутая пичуга, рѣдкая гостья глухой тайги, или прошмыгнетъ почти беззвучно маленький грызунъ, бѣлка или крошечный турухтанчикъ, цѣпляясь тонкими когтями по вѣтвямъ. Охотникъ прошелъ уже съ полверсты, какъ вдругъ остановился и началъ чутко прислушиваться. До него явственно донеслись слова: «хоть другъ друга сожрать—такъ и то въ пору!» Онъ, удивленно прислушиваясь къ неожиданнымъ звукамъ, бросилъ папиросу, снялъ съ плеча ружье и, взведя курки, сталъ тихо подаваться впередъ, стараясь осторожнѣе передвигать свои длинныя ноги. Вскорѣ, за крутымъ колѣномъ тропки, открылась небольшая полянка, и онъ могъ, изъ за толстаго ствола столѣтняго гиганта, осмотрѣть всю прогалину.

Подъ большимъ раскидистымъ кустомъ курился маленькій костеръ изъ мелаго валежнику. Вплоть къ огню, на короточкахъ, примостился не то человѣкъ, не то звѣрь. Нѣчто, когда-то бывшее тулупомъ, а теперь облѣзлый и заштопанный всякимъ тряпьемъ закорузлый кусокъ овчины, съ короткими остатками рукавовъ, облегалъ широкія и костистыя плечи здоровеннаго